

Глава 19. Незабываемый аромат

За дверью, где томился пленник, казалось, отбывал наказание Жун Цзюань, но на самом деле в четырёх стенах был заперт лишь Гу Вэнь.

Итог разбирательства ошеломил весь двор. Никто не мог разгадать замысел императора. Лишь некоторые старые сановники смутно догадывались: не наказывая сурово Жун Хэнсуна, Его Величество тем самым косвенно наказывал Правого канцлера.

Отец в ответе за проступок сына?

Но тут же возник новый вопрос: если велено сидеть взаперти, то за чьими дверями?

Когда стало известно, что Жун Цзюань остаётся в резиденции генерала, та немедленно оказалась в центре всеобщего внимания.

В поместье дворецкий поставил на стол свежую выпечку.

— Тот господин по фамилии Гу неоднократно просил вернуть свои книги.

Когда Гу Вэня схватили, его книги остались в резиденции канцлера. Казалось, он больше беспокоился о них, чем о собственном положении.

— Пусть ждёт, — махнул рукой юноша.

Когда ему самому что-нибудь понадобится, он вернётся в резиденцию канцлера и заодно прихватит вещи пленника.

Дворецкий кивнул и, прежде чем уйти, заботливо налил Жун Цзюаню чаю.

Отношения между людьми строятся на взаимности. Например, вчера Жун Цзюань намекнул, что дворецкий может передавать сообщения для Гу Вэня, главное — не забывать брать за это плату.

Так дворецкий немного подзаработал.

С чаем и сладостями Жун Цзюань устроился в кресле-качалке во дворе и принялся за чтение. Его трёхдневный официальный отпуск, к сожалению, не совпал с выходными. Устав лежать, он вставал, чтобы подразнить Братца Стронга, любуясь его могучей грудью колесом. Жизнь была безмятежна, словно у небожителя.

От сытости и тепла рождаются грешные мысли. Глядя на птицу, Жун Цзюань подумал о её хозяине.

«Интересно, у Се Яньчжоу такое же прекрасное телосложение?»

Он вспомнил, как в тот раз на ипподроме обжёгся о пальцы генерала. Жун Цзюань бессознательно потёр подушечку своего пальца — она была ледяной.

«...Кажется, я остываю заживо»

Но тут вмешалась Система.

[Не скажи, лекарства и впрямь помогают. Твоя температура немного нормализовалась.]

Жун Цзюань криво усмехнулся. Кого это волнует?

Ему нужны были восемь кубиков пресса и широкая, как двустворчатые ворота, грудь!

Днём Гу Вэнь снова потребовал свои книги. Подумав, Жун Цзюань велел купить на рынке несколько дешёвых романов, чтобы от него отвязаться.

Прежде чем отправить их, он из любопытства заглянул в один. Эротика?

«Неужели в древности были такие свободные нравы?»

Жун Цзюань пролистывал книгу со скоростью комикса, и его лицо постепенно мрачнело.

— Да чтоб вас... — пробормотал он цветистое ругательство.

Эротический роман, в котором разыгрывалась история чистой любви, переросшая в мучительную драму с примирением в финале? У древних что, с головой не в порядке?

Коу-Коу была не в лучшем настроении. Отдыхая в его сознании, она как раз читала бестселлер из мира систем и, решив проглотить все накопившиеся обновления за раз, тоже подхватила вирус.

И человек, и Система пришли к единому мнению: их страдания должен разделить кто-то ещё.

Жун Цзюань отчаянно замотал головой, не желая слушать.

Коу-Коу, пытаясь пересказать сюжет, устроила настоящую магическую дуэль в его голове, не умолкая ни на секунду.

Обоим и так было тошно, но тут, как назло, со двора, где держали пленника, донеслись тоскливые звуки флейты.

Мелодия была заунывной и вызывала лишь раздражение.

Но вдруг, словно по наитию, раздосадованные человек и Система разразились смехом. Коу-Коу хохотала так, что её голос стал походить на ведьминский.

[Малыш Жун, он ведь не просто книги хочет, может, мы...]

— Непременно.

Изначально он планировал поумерить пыл Гу Вэня, подержав его в неведении подольше, но теперь Жун Цзюань нашёл прекрасный способ выместить злость.

Наконец-то нашёлся тот, кого можно накормить этим до отвала.

***

Неподалёку, в беседке, сидели Великий инспектор и Се Яньчжоу. Услышав странные звуки, они подняли головы и увидели, как Жун Цзюань в кресле-качалке заливается смехом.

Крёстный отец покачал головой и, взяв чёрный камень, сделал ход в левом нижнем углу, разрушая построение противника.

Сквозь смех он расслышал и звуки флейты.

— Что подельвает Гу Вэнь в последнее время?

На доске разворачивалась ожесточённая битва. Се Яньчжоу неторопливо искал выход из окружения.

— Играет на флейте и цитре. Либо просит свои книги.

Резиденция генерала контролировала лишь ворота, не позволяя выходить, но в остальном надзор был нестрогим. При желании можно было найти способ передать весточку или даже позвать на помощь.

Но пленник, вопреки обыкновению, вёл себя тихо: не звал на помощь и не предпринимал ничего лишнего.

— Его Величество ясно дал понять, что хочет замять это дело. Идти наперекор — значит, жить надоело, — равнодушно заметил Великий инспектор. — Этот человек — всего лишь ученик Жун Чэнлиня, но в некоторых вопросах он сыграл ключевую роль.

Он посмотрел на Се Яньчжоу.

— Этот человек — бедствие. Его нужно либо устранить, либо переманить на нашу сторону.

— В поместье есть шпионы Его Величества, силой действовать нельзя, — генерал, очевидно, был того же мнения. — Нужно искать другой способ.

Гу Вэнь так долго был рядом с Правым канцлером, что наверняка знал многое. В умелых руках он мог стать острым клинком.

Это понимали все. Император был крайне подозрителен, и любое неосторожное движение могло привести к катастрофе.

— Неважно, — сказал Великий инспектор. — Жун Чэнлинь торопится больше.

Партия закончилась. Великий инспектор поднялся, собираясь уходить.

Бросив взгляд на Жун Цзюаня, который прекратил смеяться и теперь подбрасывал в воздух книгу, он обронил:

— Когда цензор был во дворце, мой драгоценный сын как раз взывал к справедливости.

Се Яньчжоу, кажется, представил эту сцену, и уголки его губ тронула лёгкая улыбка.

— Жун Хэнсун утверждал, что схватил того человека, чтобы заставить его работать в Министерстве ритуалов. Как думаешь, Гу Вэнь согласится? — спросил Великий инспектор.

Собеседник на мгновение замолчал, а затем они оба с усмешкой покачали головами, не придав этой шутке значения.

На следующий день Се Яньчжоу вернулся с плаца. Двое его личных охранников молча следовали за ним, не смея проронить ни слова. Они даже боялись вспоминать выражение лица генерала во время утренней проверки.

Пока охранники изо всех сил старались быть незаметными, по двору к западному флигелю спешил слуга.

— Куда бежишь? — остановил его Се Яньчжоу.

Слуга замер и честно рассказал, как недавно Жун Цзюань дал ему книгу, чтобы передать Гу Вэню.

А торопился он потому, что спешил сделать копию.

С самого появления Жун Хэнсуна в поместье за ним следили десятки глаз, и каждое его подозрительное действие немедленно докладывалось.

Лишь после слов слуги генерал вспомнил об этом.

— Впредь можешь за ним не следить.

— Но та книга... — выражение лица слуги, когда он упомянул книгу, было крайне странным.

Се Яньчжоу не стал вникать, рассудив логически.

Раз Жун Цзюань заявил, что заставит Гу Вэня работать, то попытка найти к нему подход вполне естественна.

— Оставь мне один экземпляр.

Он и сам любил читать, а книга, специально подобранная для такого человека, наверняка была стоящей.

***

Когда творишь пакости, усталости не чувствуешь.

Книга, которую Жун Цзюань читал вчера, была сентиментальным феодальным романом о прощении с учёным в главной роли. Пленнику она бы не причинила никакого душевного вреда. А вот в романе, который читала Система, главными героями были всевозможные системы, и одно только описание их внешности походило на рассказ ужасов.

Но это было неважно.

В библиотеке Системы хранились тысячи классических произведений и сетевых романов. Жун Цзюань готовил бумагу, а Коу-Коу, временно покинув его тело, со скоростью семьдесят миль в час начала переписывать текст. Жун Цзюань всё это время обмахивал её веером, чтобы она не перегрелась.

— Давай, жми!

[Жму.]

Механическое существо строчило без усталости с рассвета до полудня и едва не задымилось.

Мысль о том, что кто-то ещё попадётся в ту же ловушку и будет мучиться, приносила им обоим несказанное удовольствие.

В западном флигеле слуга, передав копию, молча удалился.

Гу Вэнь провёл пальцами по страницам. Неизвестно, от жары ли, но бумага казалась горячей. Наконец, на его лице мелькнула тень усмешки.

Из-за пояса выскользнула тонкая зелёная змейка. Он провёл худыми пальцами по её голове.

— Проголодалась?

Те, кто не владел боевыми искусствами, имели иные способы самозащиты. В крайнем случае, можно было позволить змее укусить Жун Хэнсуна и обменять противоядие на свободу.

Но рисковать было ещё слишком рано.

Мужчина покачал головой.

— А отец с сыном, однако, одинаково привлекают к себе таланты.

Когда-то резиденция канцлера собрала для него немало древних книг — это было одним из условий его службы. Поскольку делать всё равно было нечего, Гу Вэнь открыл книгу. Стиль повествования показался ему вычурным, и поначалу чтение шло с трудом.

Он взглянул на имя автора — совершенно незнакомое.

Во времена расцвета династии Лян сюда прибывали чужеземцы, чьи имена и внешность были весьма необычны. Прародитель династии даже намеревался построить огромные корабли для дальних плаваний, но затея так и осталась на бумаге.

Очевидно, это был заморский роман.

Гу Вэнь небрежно пролистал пару страниц и совсем потерял интерес. Он уже собирался закрыть книгу, как вдруг его взгляд за что-то зацепился.

В книге говорилось:

«Лицо его было смуглым, а на запястьях кожа резко отличалась по цвету — значит, он недавно вернулся из тропиков... Левая рука у него была ранена. Военный врач, переживший лишения в тропических краях, да ещё и с раненой рукой...»

Слова «тропики» и названия стран были ему незнакомы, но по-настоящему его привлёк сам метод рассуждения.

«Метод наблюдения?»

Человек, лишь взглянув на манжеты, колени и износ обуви, мог быстро восстановить прошлое другого.

Такое наблюдение, исключение версий, проверка гипотез — всё это было сродни работе стратега.

То, что поначалу казалось пустой тратой времени, всё больше захватывало его.

В юности, из любопытства, он читал несколько романов, но герои в них были однотипны, и он счёл это пустой тратой времени, после чего больше к ним не притрагивался.

Но этот герой — под маской хладнокровия скрывалась самоуверенность, граничащая с высокомерием — сразу же покорила учёного.

Какая-то птица, спрыгнув на поднос, принялась клевать еду. Зелёная змейка испуганно юркнула обратно за пояс.

Пленник даже не поднял головы.

Просидев неподвижно почти час, он наконец дочитал первый рассказ и нетерпеливо взялся за второй.

***

— Интересно, какой рассказ он сейчас читает?

[Малыш Жун, я скопировала только оригинал.]

Коу-Коу поленилась заменять все места с английскими буквами, будучи уверенной, что люди этой эпохи всё равно не смогут это прочесть.

— Ничего, Гу Вэнь — не обычный человек, — ответил Жун Цзюань, поедая виноград вместе с косточками.

Люди, предпочитающие дёргать за ниточки из-за кулис, обычно придают большое значение человеческой натуре и вниманию к деталям. Эта книга была для него как магнит.

Непонятные места он мог просто пропустить, это не мешало уловить суть.

Система скопировала около десяти классических рассказов. Ожидалось, что к вечеру он дочитает до конца.

При этой мысли юноша и Коу-Коу снова рассмеялись.

Последним был рассказ «Последнее дело Холмса». Тот самый, где Шерлока Холмса убили.

Конан Дойл в одиночку положил начало традиции читателей, отправляющих авторам лезвия по почте.

Говорят, после публикации финала с гибелью Холмса, все — от читателей и издателей до его собственной матери и британской королевской семьи — выразили крайнее недовольство. Столкнувшись с первой в истории «травлей фанатов», Конан Дойл не выдержал давления и воскресил героя в «Пустом доме».

— Интересно, как отреагируют древние, прочитав финал, где герой умирает?

[Малыш Жун, малыш Жун! У меня есть ещё одна идея!]

[Дай ему почитать «Троецарствие». Гу Вэнь ведь тайно служит твоему брату? Пусть почитает о величайшем стратеге — Чжугэ Ляне. Он наверняка будет сопереживать! И пусть дочитает до самой его смерти от болезни.]

«О, бескрайние синие небеса, за что вы так жестоки ко мне!»

Это зацепит его ещё сильнее, чем Холмс.

— Гениально, — согласился Жун Цзюань.

Хлопнув в ладоши в знак одобрения, он вдруг задумался.

Се Яньчжоу, наверное, очень устаёт в походах. Может, скопировать для него какой-нибудь трактат о военном искусстве?

Но он тут же отбросил эту мысль. Коу-Коу в каждом мире копировала древние тексты для архива. В этой эпохе и без того хватало выдающихся военных трактатов, а на поле боя полезных приёмов было не так уж и много.

Генерал, скорее всего, давно перерос стадию «войны на бумаге» и выработал свой собственный стиль.

Дни заточения, если не считать первого, испорченного книгой, проходили в прекрасном настроении.

— Как думаешь, эти три дня считаются со вчерашнего полудня или с сегодняшнего утра?

[Думаю, со второго дня.]

— Я тоже так думаю.

Получив желаемый ответ, они оба снова беззаботно зажили своей жизнью.

Жун Цзюань не знал, как там дела у Гу Вэня, но сегодня утром он не слышал ни игры на цитре, ни звуков флейты.

Хорошо, что хоть на эрху не играет.

— Прекрасно, — промурлыкал Жун Цзюань, лёжа в кресле-качалке.

Его отпуск подходил к концу, а пленник мог целыми днями наслаждаться музыкой и отдыхом. С какой стати?

Он велел передать мужчине вторую книгу, скопированную Системой.

Больше всех страдали слуги в резиденции генерала.

Вчера, переписывая книгу, они уже натерпелись. Каждое слово вбивалось в мозг, а в конце герой ещё и умер ни с того ни с сего.

Бедный переписчик молился, чтобы сегодняшняя книга была нормальной. Хотя бы ради его собственного рассудка.

На следующий день Жун Цзюань велел передать ещё две книги: полную версию «Сна в красном тереме» с дописанными восьмьюдесятью главами и «Возвращение героев Кондора», оставившее у него в детстве глубокую травму.

Принцип был прост: все страдания, которые он пережил, должны пережить и другие.

Ночью хлынул проливной дождь.

В три часа ночи окно было приоткрыто. Ветер доносил особый запах дождя. Жун Цзюань, укутавшись в тонкое одеяло, сладко спал.

Грохот!

Раскаты грома!

Во время грозы во дворе внезапно появилась худая фигура.

Три дня... Прочитать о смерти Холмса, потом о смерти Чжугэ Ляна, затем, не смыкая глаз, проглотить продолжение «Сна в красном тереме», и напоследок увидеть, как Инь Чжипин бесчестит героиню, а Ян Го лишается руки...

Гу Вэнь читал дни и ночи напролёт. Даже небожитель не выдержал бы такого.

С тёмными кругами под глазами и мрачным лицом он прошипел:

— Жун Хэнсун, а ну выходи!

<http://bllate.org/book/15979/1501336>